В.В. МИРОНОВ

ФОРМЫ СОЛДАТСКОГО ПРОТЕСТА В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Среди разрабатываемых в последние годы российскими историками сюжетов по истории Первой мировой войны важное место принадлежит изучению психологии фронтовиков¹. Исследования зарубежных ученых свидетельствуют, что модели поведения военнослужащих в экстремальной обстановке отличались разнообразием, часто идя вразрез с “запрограммированным” военно-политическим руководством стандартом верноподданнического этоса. Сдвиги в их умонастроениях привели к “обвалу” патриотических ценностей и продолжали сказываться на различных сферах жизни европейского общества на протяжении всего межвоенного двадцатилетия².

Для многонациональной Австро-Венгерской империи участие в Первой мировой войне обернулось государственной катастрофой³. В дополнительном осмыслении нуждается роль национального вопроса в расшатывании устоев императорско-королевской армии⁴.

Интерпретация протестного поведения военнослужащих как следствия лишь обострившихся национальных отношений ведет к игнорированию других важных обстоятельств военной службы – усталость от затянувшейся войны, “неуставные отношения”, криминальное прошлое некоторых военнослужащих, личные проблемы.

В российской историографии Первой мировой войны сделаны первые шаги в анализе девиантного поведения фронтовиков на материале австро-венгерской армии, а также армий других государств⁵.

Миронов Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

¹ *Сенявская Е.С., Миронов В.В.* Человек на войне: “свой” и “чужие”. – Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002; *Нарский И.В.* Фронтный опыт русских солдат. 1914–1916 годы. – Новая и новейшая история, 2005, № 1.

² *Jahr C.* Gewöhnliche Soldaten. Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914–1918. Göttingen, 1998; *Überegger O.* Der andere Krieg: Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. Innsbruck, 2002; *Der Erste Weltkrieg im Alpenraum.* Erfahrung, Deutung, Erinnerung. La Grande Guerra nell’ arco alpino. Esperienze e memoria. Innsbruck, 2006.

³ *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи. – Новая и новейшая история, 2001, № 5; *Исламов Т.М., Хаванова О.В., Романенко С.А., Ненашева З.С.* Австро-Венгрия в период Первой мировой войны. – Война и общество в XX веке. Кн.1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

⁴ *Steed H.W.* Through Thirty Years. New York, 1924; *Гашик Я.* Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М., 2003.

⁵ *Кирова К.Э.* Революционное движение в Италии (1914–1917). М., 1962; *Яхимович З.П.* Итальянское общество и Первая мировая война. – Война и общество в XX веке, кн.1.

В статье на основе изучения судебно-следственных актов военных трибуналов австро-венгерской армии, хранящихся в Венском военном архиве (Австрия), рассматриваются основные формы девиантного поведения фронтовиков в годы Первой мировой войны – нарушение субординации, дезертирство и самоубийства.

Патриотический образ Первой мировой войны, сложившийся в постимперской Австрии, отражал содержание внедрявшейся в массовое сознание военными кругами легенды об армии, “не побежденной на поле боя”. Как и аналогичная ей легенда “об ударе кинжалом в спину”, циркулировавшая в Веймарской Германии, пропагандистская конструкция, созданная военной элитой Габсбургской монархии, диктовала фигуру умолчания вокруг фактов отказа от воинской службы⁶.

В современной австрийской историографии успешно осуществляется коррекция выдержанных в апологетическом духе представлений о верноподданническом поведении солдатских масс. В этом отношении характерен фундаментальный труд инсбрукского исследователя О. Юбереггера, где на количественной основе проанализирована деятельность военной юстиции и основные формы протеста военнослужащих в годы Первой мировой войны на территории Тироля⁷.

Военное законодательство Австро-Венгрии устанавливало уголовную ответственность за нарушение канонов армейской этики⁸. Рекруты приносили присягу верности не только “императору и Отечеству”, но и набору воинских добродетелей. Новобранцам предстояло усвоить один из фундаментальных принципов военной службы, требовавший беспрекословного соблюдения должностной субординации. Верность понималась как обязанность неотлучного нахождения на военной службе. Размеренному распорядку армейской жизни угрожали дезертирство и умышленное членовредительство⁹.

Имманентно присущая армейскому коллективу дисциплина становилась осязаемым фактом казарменной (окопной) жизни лишь в результате ее нарушения. Подчиненные, вышедшие из повиновения, покушались на один из базовых принципов военной службы, и их наказание становилось насущной задачей восстановления пошатнувшегося авторитета командной власти.

В основе нарушения субординации, как правило, лежала “самооборона” нижних чинов от превышения офицерами служебных полномочий. В результате массового призыва запасных австро-венгерская армия вскоре получила ироническое название армии “гражданских в униформе”¹⁰. В вооруженные силы были привнесены чуждые военной касте нормы поведения. Стремление армейских кругов распространить свой контроль на все сферы жизни австро-венгерского общества в годы Первой мировой войны, навязать ему свои ценностные представления вызвали естественную реакцию отторжения¹¹. Поставленные под ружье вопреки своей воле гражданские лица болезненно реагировали на насаждавшиеся командованием казарменные порядки. В научной литературе нарушению субординации обоснованно приписывается функция

⁶ *Überegger O.* Vom militärischen Paradigma zur “Kulturgeschichte des Krieges”? Entwicklungslinien der österreichischen Weltkriegsgeschichtsschreibung im Spannungsfeld militärisch-politischer Instrumentalisierung und universitärer Verwissenschaftlichung. – Zwischen Nation und Region. Weltkriegsforschung im interregionalen Vergleich. Ergebnisse und Perspektiven. Innsbruck, 2004, S. 80, 88.

⁷ *Überegger O.* Der andere Krieg: Tiroler Militärgerichtsbarkeit im Ersten Weltkrieg. Innsbruck. 2002.

⁸ Das Militärstrafgesetz über Verbrechen und Vergehen vom 15.I.1855 – Samt den einschlägigen und ergänzenden Gesetzen und Verordnungen, 3. Aufl. Wien, 1914, S. 98, § 143.

⁹ *Hautmann H.* Militärdienstverweigerung aus der Sicht des Historikers. – Gewissensfreiheit und Militärdienst. Wien, 2005, S. 70.

¹⁰ *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz–Wien–Köln, 1994, S. 188.

¹¹ *Kuprian H.* Warfare-Welfare. Gesellschaft, Politik und Militarisierung in Österreich während des Ersten Weltkrieges. – Ein Krieg – zwei Schützengräben. Österreich – Italien und der Erste Weltkrieg in den Dolomiten. 1915–1918. Bozen, 2005, S. 167.

клапана, через который фронтовики канализировали свое недовольство произволом командиров и затянувшейся войной¹².

Весной 1918 г. по тыловым гарнизонам Австро-Венгрии прокатилась волна солдатских бунтов. Их зачинщиками стали военнослужащие, вернувшиеся из русского плена по условиям Брестского мира. Командование жестоко расправилось с восставшими. Военное министерство серьезно отнеслось к выяснению причин солдатских волнений, выделив три группы: социальные, национально-политические и военные. К первым были отнесены распространение революционных идей, недостаток довольствия и обмундирования, плохие условия размещения. Под национально-политическими причинами понимались исходившая из гражданской среды пропаганда национальных движений, подрыв авторитета государственной власти как результат продолжавшегося амнистирования изменника¹³ и слишком большая свобода прессы. К военным причинам причислялись недостаток кадровых офицеров в тылу и практика отсрочек от исполнения вынесенных трибуналами приговоров¹⁴.

Самой распространенной формой солдатского протеста в австро-венгерской армии являлось дезертирство. По официальной статистике в Австро-Венгрии в октябре 1918 г. дезертирами числились 250 тыс. военнослужащих или 5% от общего состава вооруженных сил¹⁵. Причины этого явления были различны. Их нельзя сводить только к антивоенным настроениям и проявлению национальной оппозиции по отношению к габсбургскому государству. Не менее важную роль, по наблюдениям современных зарубежных исследователей, играли семейно-личные мотивы военнослужащих. Нараставший с каждым военным годом кризис снабжения, заболевания и случаи смерти родственников постепенно обесценивали в глазах фронтовиков императивы военной службы. Морально-психологической демобилизации нижних чинов и младших офицеров в немалой степени способствовали тяжело травмировавшие их психику “ужасы войны”¹⁶.

Значительный вклад в созревшее у военнослужащих решение дезертировать вносило, как правило, грубое обращение командного состава с подчиненными¹⁷. Об этом красноречиво свидетельствуют соответствующие распоряжения военного министерства и материалы многочисленных судебных разбирательств¹⁸. Следующую категорию дезертиров составили военнослужащие, отлучившиеся из своих подразделений из-за страха перед дисциплинарным (уголовным) наказанием¹⁹.

Проблему дезертирства не следует рассматривать исключительно в военно-историческом аспекте. Бегство из рядов собственной армии служило показателем дезинтеграции того или иного государства (Италия после поражения при Капоретто в 1917 г., Россия 1917 г., Австро-Венгрия 1918 г.)²⁰. В Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны господствовала национально-политическая интерпретация причин массового дезертирства из императорско-королевской армии²¹.

¹² *Überegger O.* Der andere Krieg, S. 310–311.

¹³ Речь идет об указе императора Карла I(IV), обнародованном 2 июля 1917 г.

¹⁴ *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918, Bd. 1. Wien, 1974, S. 401–406.

¹⁵ *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A.* Op. cit., Bd. 2, S. 62.

¹⁶ *Überegger O.* Flucht als politisch-nationales Deutungskonstrukt? Kriegslebensweltliche Fluchtmotive Trentiner Deserteure im Ersten Weltkrieg zwischen politisch-militärischer Deutungszuschreibung und retrospektiver Politisierung. – Politik vor Ort. Sinnggebung in ländlichen und kleinstädtischen Lebenswelten. Jahrbuch für Geschichte des ländlichen Raumes, № 4. Innsbruck–Wien – Bozen, 2007, S. 288.

¹⁷ *Ibidem.*

¹⁸ *Konakowitsch T.P.* In Namen seiner Majestät des Kaisers. Die Tätigkeit der Grazer Militärgerichte 1914 bis 1918. Graz, 1999, S. 128–129.

¹⁹ *Überegger O.* Flucht als politisch-nationales Deutungskonstrukt, S. 288.

²⁰ *Jahr C.* Op. cit., S. 26.

²¹ *Plaschka R.G.* Avantgarde des Widerstands. Modellfälle militärischer Auflehnung im 19. und 20. Jahrhundert, Bd. 1. Wien – Köln – Graz, 2000, S. 279–365; *Fučík J.* Osmadvacátníci: spor o českého

Военно-уголовный кодекс 1855 г., действовавший накануне Первой мировой войны, предусматривал наказание от пяти до десяти лет лишения свободы за умышленное членовредительство, налагавшееся на годного к дальнейшей службе военнослужащего²². Если призывная комиссия выносила решение о негодности к действительной военной службе вследствие членовредительства, то виновному грозило тюремное заключение от одного до пяти лет, которое могло быть заменено телесным наказанием²³.

Военный аппарат “двуединой” Австро-Венгерской монархии, встревоженный падением дисциплины на фронте осенью 1914 – зимой 1915 гг., применял суровые меры наказания. Распоряжение Верховного командования от 16 марта 1915 г. ввело новое положение о военно-полевом судопроизводстве, каравшее смертной казнью за ряд преступлений, в частности членовредительство²⁴.

Издававшиеся в дальнейшем Верховным командованием служебные инструкции для военных судей и медицинского персонала обобщали опыт следственной практики военно-судебных органов²⁵. Из инструкций можно почерпнуть сведения о наиболее характерных способах членовредительства и методах их идентификации, воинском звании, национальной принадлежности обвиняемых и налагаемых на них штрафных санкциях.

На передовой для солдат открывалась возможность выдать осознанно причиненный ущерб своему здоровью за огнестрельное ранение рук. “Самострелы” приняли массовый характер на сербском фронте осенью 1914 г. В докладе руководства медицинской службы командования 6-й армии отмечалось, что среди 500 человек, прибывших 31 октября 1914 г. на станцию Тузла, около 250 военнослужащих получили ранения рук под Вышеградом и Подроманьей²⁶. При этом обращалось внимание на то обстоятельство, что подавляющее большинство ранений были сквозными и приходились на место изгиба пальцев, что, по мнению врачей, указывало на членовредительство²⁷.

“Положение тела и пальцев при стрельбе лежа исключало возможность подобных ранений, к тому же, – резюмировал начальник санитарной службы 6-й армии, – при большой пробивной силе пули кроме конечностей должны были быть задеты другие части тела, что не наблюдалось ни в одном из 198 случаев”. Проведенное 5 ноября 1914 г. в резервном госпитале Узоры более тщательное обследование обвиняемых позволило с абсолютной точностью утверждать, что в 67 случаях речь шла о членовредительстве²⁸.

Военное командование издало серию предписаний, призванных облегчить следственным органам идентификацию фактов членовредительства.

Следует отметить, что обвиняемые в совершении членовредительства военнослужащие редко признавались в совершении этого преступления, что затрудняет выяснение мотивации их поведения. Существующее априори предположение о стремлении избежать военной службы в целом как ведущем мотиве членовредительства требует документального подтверждения. В судебно-следственной практике австро-венгерской армии нередко встречаются случаи членовредительства, мотивы которых не совпадают с их априорной интерпретацией как формы антивоенного протеста.

По наблюдениям историка О. Юбереггера, ранение в левую руку служило для военных врачей и судей верным признаком членовредительства. Оно позволяло не только

vojáka Velké války 1914–1918. Praha, 2006, S. 163–174.

²² Das Militärstrafgesetz, S. 199, § 293.

²³ Ibid., S. 199, § 295.

²⁴ Standrechtsbestimmungen bei der Armee im Felde. – Das Militärstrafverfahren im Felde. Wien, 1916, S. 183.

²⁵ Das Militärstrafverfahren im Felde.

²⁶ Österreichisches Staatsarchiv (ÖStA), Kriegsarchiv Wien (KA), Militärgerichtsarchiv (MGA), (далее – ÖStA-KA-MGA), Karton 2204/14, Strafakt K 151/14. Feldkriegsgericht (FKG) der 6. Armeekommando (AK), Sanitätschef des 6. AK an das K.u.K. 6. Armee – Etappenkommando in Tuzla, 3.11.1914.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid., Verletzungsbericht vom 5.11.1914.

временно отсрочить прохождение военной службы, но и сохранить трудоспособность²⁹. Судебное разбирательство завершилось для обвиняемого вынесением довольно мягкого приговора, учитывая тот факт, что указанные выше инструкции предписывали в таких случаях предавать виновных военно-полевому суду, постановления которого не подлежали обжалованию.

Согласно статистике, на долю членовредительства приходилось 6% смертных приговоров, вынесенных в военно-полевом судопроизводстве³⁰.

О. Юбереггер подчеркивает, что обвинения в членовредительстве, выдвигавшиеся против военнослужащих, зачастую были не просто недоказанными, но и просто надуманными. Значительное число прекращенных уголовных дел (более 40) являлось показателем того, что командование зачастую бездоказательно стремилось предать военнослужащих суду трибуналов³¹.

Типично в этом отношении хранящееся в Венском военном архиве уголовное дело, заведенное против солдата 17-го полка С. Брассаи. 24 февраля 1918 г. ему оторвало взрывом два пальца, когда он попытался отвинтить медную часть динамитной шашки. На допросе солдат показал, что счел шашку разряженной и собирался сделать из нее табачную трубку. Расследование по обвинению в членовредительстве было прекращено 30 мая 1918 г.³²

Распоряжения военных властей оказывались малоэффективными, поскольку диагностирование членовредительства затруднялось бюрократической волокитой в госпиталях. Профессор Инсбрукской дерматологической клиники Л. Мерк, информируя 14 декабря 1917 г. местное военное командование о результатах обследования поступивших военнослужащих, отмечал: «Если врач считал подозрение (в членовредительстве. – В.М.) обоснованным, то он по долгу службы доносил о совершении преступления. Но всегда проходили многие недели и месяцы, прежде чем издавалось распоряжение об экспертном заключении. И тогда уже речь шла о ранах, которые по большей части утратили свой первоначальный, характерный для членовредительства облик. Обвиняемый попадал под длительное следствие и играючи добивался тем самым своей цели, временно освобождаясь от военной службы, а эксперт, как правило, обычно не мог больше дать определенного заключения»³³.

Солдаты прибегали и к другим способам освобождения от военной службы: от симуляции различных болезней до подкожных инъекций, вызывавших некроз тканей³⁴. Главным образом, симулировались симптомы венерических заболеваний, поскольку зараженные ими военнослужащие подлежали изоляции и не могли привлекаться к фронтовой службе. Происходило намеренное заражение другими общественно опасными заболеваниями, прежде всего туберкулезом. Самым простым способом членовредительства в условиях госпиталя становилась намеренная задержка процесса заживления раны, позволявшая отсрочить возвращение в строй³⁵.

Пресечение членовредительства, ослаблявшего боеспособность вооруженных сил в условиях затяжной войны, становилось важной заботой Верховного командования. Оно требовало от нижестоящих инстанций реализации комплекса превентивных мер. К их числу в первую очередь относилось усиление цензуры почтовой корреспонден-

²⁹ *Überegger O.* Der andere Krieg, S. 304–305.

³⁰ *Platzer K.* Op cit., Tabelle 3: Häufigkeitsverteilung der am meisten begangenen Delikte von Personen, die mit dem Tod bestraft wurden in absoluten Zahlen und Prozentsen, S. 75.

³¹ *Überegger O.* Der andere Krieg, S. 224–225. Автор интерпретирует сравнительно небольшое число уголовных дел (их насчитывалось 10), доведенных до стадии судебного разбирательства.

³² ÖStA-KA-MGA, FKG der 6. AK, Karton 2216/18, Straftakt K 5463/18 Samuel Brassai, Referat vom 30.05.1918.

³³ Цит по: *Überegger O.* Der andere Krieg, S. 306.

³⁴ Das Militärstrafverfahren, Wien, 1918. Nachtrag 3, S.169.

³⁵ *Brandauer I.* Menschenmaterial Soldat: Alltagsleben an der Dolomitenfront im Ersten Weltkrieg 1915 – 1917. Innsbruck, 2007, S. 114.

ции фронтовиков, нередко содержавшей подробные указания родственников по освобождению от военной службы³⁶. Командование обязывалось периодически подвергать медицинскому и личному осмотрам рядовой состав вверенных воинских частей³⁷.

Важным средством профилактики военные власти считали устрашение нижних чинов военно-полевым судом. В частности, руководство 10-й армии ходатайствовало в 1918 г. перед Верховным командованием об оглашении приговоров военно-полевых судов, вынесенных по обвинению в членовредительстве, и направлении осужденных преступников в дисциплинарные части³⁸. О. Юбереггер отмечает, что членовредительство как способ освобождения от тягот войны значительно “девальвировалось” в глазах потенциальных правонарушителей на тирольском участке итальянского фронта, которые в случае своего осуждения были обязаны нести вспомогательную службу во фронтовых районах³⁹.

С осени 1917 г. дивизионным трибуналом в Мостаре велось масштабное расследование по обвинению нескольких сотен фигурантов в членовредительстве. Пока велось расследование, многие военнослужащие, которые не содержались под стражей⁴⁰, уже успели отбыть к новому месту службы. В документах, направленных дивизионным трибуналом Мостара командованию указанной воинской части, отмечалось, “что речь идет об уголовном деле огромной важности для вооруженных сил”⁴¹. По ходатайству военного прокурора г. Мостара подлежали проверке показания подозреваемых, а ее результаты без промедления должны были быть направлены дивизионному трибуналу. К примеру, по делу С. Миличевича запрашивались его показания о визите к врачу, достоверность которых проверялась выпиской из регистрационной медицинской книги. Требовалось также выяснить, сообщал ли подозреваемый о намерении и средствах совершения членовредительства своим товарищам⁴².

Приведенные данные показывают, что среди правонарушителей находились представители не только так называемых “угнетаемых наций”, но и “титовых” этносов – австрийских немцев и венгров⁴³. В этой связи интерпретация феномена отказа от военной службы как спроецированного на армейскую среду межнационального конфликта страдает односторонностью⁴⁴. Документы свидетельствуют о том, что жертвами дискриминации по национальному признаку становились и представители венгерской нации, испытывавшие на себе неприязнь со стороны румын.

Мотивация “отказников” не обязательно имела в своей основе пацифистские убеждения, нося скорее ситуационный характер. Оказавшись в конфликтной социальной среде, солдат, не отвергая военной службы в целом, зачастую усматривал в умышленном членовредительстве единственное средство порвать со ставшим невыносимым воинским коллективом, рассчитывая в будущем вернуться в строй. Органы военной юстиции “грешили” формальным истолкованием регистрировавшихся преступлений, не вдаваясь в подробности. Решающим в идентификации членовредительства становилось судебно-медицинское заключение, подтверждавшее или опровергавшее возникшие подозрения.

³⁶ Das Militärstrafverfahren, Nachtrag 2, S. 62.

³⁷ Ibidem.

³⁸ *Überegger O.* Der andere Krieg, S. 306.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Военный уголовно-процессуальный кодекс Австро-Венгрии допускал нахождение обвиняемого на свободе в период расследования.

⁴¹ ÖStA-KA-MGA, Karton 7889/18, Strafakt K 2483/18.

⁴² Ibidem.

⁴³ *Миронов В.В.* Ревизия ценностных представлений у австро-венгерских фронтовиков периода Первой мировой войны. 1914–1918. – Военно-историческая антропология. Ежегодник 2005/2006. М., 2007, с. 215.

⁴⁴ *Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963, с. 69–70, 109–110, 184.

Нуждается в уточнении стереотип, согласно которому заподозренные в нелояльности к военной службе солдаты и унтер-офицеры становились жертвами жестко работавшего механизма военной юстиции. Отчасти это утверждение справедливо в отношении военно-полевого правосудия, осуществлявшегося в максимально короткие сроки и лишавшего подсудимых права апелляции вынесенного приговора. Но распространение этого вывода на деятельность постоянных трибуналов в рамках системы военного судопроизводства в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны представляется несостоятельным.

Взятым с поличным преступникам грозил военно-полевой суд, в то время как осуждавшиеся стабильными трибуналами в обычном или “упрощенном” судопроизводстве нижние чины в случае их годности к фронтовой службе могли рассчитывать на предоставление отсрочки от исполнения приговора и на дальнейшую амнистию.